

ОТЧУЖДЕНИЕ ТРУДА И РАЗВИТИЕ ОБРАЗОВАНИЯ В США XIX ВЕКА В СВЕТЕ МАРКСИСТСКОЙ И ВЕБЕРОВСКОЙ КОНЦЕПЦИЙ

Рассматриваются марксистская и веберовская концепции отчуждения применительно к США XIX в. Если в марксистской концепции постулируется постоянный рост отчуждения в капиталистическом обществе, то у М. Вебера отчуждение постепенно ослабевает вместе с ростом квалификации работников. Важнейшим элементом формирования нового отношения к труду М. Вебер считал протестантскую идею профессии-призвания. Однако в случае с США центральной идеей новой трудовой этики становится не идея профессии-призвания, а идея использования благоприятных возможностей. Проблема отчуждения является проблемой развития капиталистического способа производства, но она нуждается в собственной методологии исследования.

Ключевые слова: отчуждение, образование, диверсификация возможностей, колонизация новых земель, США, К. Маркс, М. Вебер.

Проблема отчуждения труда в такой сфере, как образование, волнует гуманистическое сообщество как на Западе, так и в России. Совершенно очевидно, что при всей специфике этого процесса на отечественной почве есть общеисторические закономерности возникновения этого явления. Поэтому обращение к опыту анализа данного феномена в других странах, в частности в США, со стороны крупных мыслителей разной специализации не может не быть насущно актуальной задачей для гуманитариев.

С 1980-х гг. в мировой исторической науке, связанной с изучением закономерностей развития капитализма, установилось (не без помощи государства и крупных корпораций и фондов) долговременное господство неолитерализма, нашедшего свое воплощение в двух вариациях: в технократической теории «постиндустриального общества» и в отрицающем саму возможность историко-философского обобщения постмодернизме. И в том и в другом случае классическому марксистскому подходу к проблеме отчуждения труда не очень повезло. В рамках первого подхода труд рассматривался прежде всего с позиции эффективности и изменения техники. Во втором случае вместо проблемы отчуждения труда поднимались другие (хотя и связанные с ней) проблемы: отчуждение от труда, гендерная эксплуатация, экологические риски и т. д. Но замалчивание никогда не было способом решения проблемы. И ныне, в условиях разрастающегося кризиса, эта проблема во весь рост встает и перед обществом, и перед исторической наукой. Специфической чертой современности (т. е. последних 40 лет) стало то, что сейчас данная проблема затрагивает не только пролетариат, но и большую часть интеллигенции. А специфика положения интеллигенции, как известно, напрямую связана с положением системы образования.

К началу XX в. в историко-философской мысли оформилось два основных подхода к проблеме отчуждения труда при капитализме, марксистский

(его можно назвать политэкономическим) и веберовский (социокультурный). Оба оказали значительное влияние на исследование данной проблематики и в истории, и в социологии. К сторонникам марксистского подхода можно отнести (хотя порой и с оговорками) таких известных авторов, как Г. Маркузе, Э. Фромм, А. Грамши, И. Валлерстайн и др. К продолжателям веберовской традиции, по мнению авторов, относятся Р. Арон, К. Зейфарт, Ф. Фукуяма, С. Хантингтон и др. За множеством споров скрывается главный вопрос: что лежит в основе развития капитализма и различных социальных групп при нем, политэкономические структуры или социокультурные факторы? И здесь не удастся отделаться постмодернистской фразой, что «все во всем».

Что в данном случае может историк? Его задача – поместить проблему в конкретно-исторический и историографический контекст. В качестве конкретно-исторического объекта взято североамериканское общество XIX в., отличавшееся в то время особо быстрыми темпами капиталистического развития и относительно низким уровнем отчуждения труда. Были ли связаны между собой эти отличия? Каковы причины специфических черт в развитии США? Какова специфика и роль североамериканской системы образования XIX в. в процессе капитализации? За ответами на все эти вопросы авторы обращаются к современным исследователям как марксистского (Э. Хобсбаум, Б. Ю. Кагарлицкий), так и немарксистского (Д. Бурстин) направления. Главной же целью статьи является верификация основных тезисов марксистского и веберовского подходов к проблеме отчуждения труда на материале исследования специфики развития экономики, общества и системы образования в США в XIX в., т. е. еще до превращения страны в центр мирового капитализма.

Проблема отчуждения труда, впервые поставленная Г. В. Ф. Гегелем, приобретает особое значение у молодого К. Маркса. В условиях капитализма

деятельностное саморазвитие, по мнению К. Маркса, превращается в свою противоположность – в самоотчуждение: «Деятельность выступает здесь как страдание, сила – как бессилие, зачатие – как оскотление, собственная физическая и духовная энергия рабочего, его личная жизнь (ибо что такое жизнь, если она не есть деятельность?) – как повернутая против него самого, от него не зависящая, ему не принадлежащая деятельность. Это и есть самоотчуждение...» [1, с. 91]. Важнейшим механизмом, запускающим процессы отчуждения, становится разделение труда в условиях промышленной революции: «По мере развития этого разделения труда, с одной стороны, и накопления капиталов, с другой, рабочий все в большей и большей степени попадает в полную зависимость от работы, и притом от определенной, весьма односторонней, машинообразной работы. Наряду с духовным и физическим принижением его до роли машины, с превращением человека в абстрактную деятельность и в желудок, он попадает все в большую и большую зависимость от всех колебаний рыночной цены, от применения капиталов и прихоти богачей» [1, с. 50].

Данные цитаты из парижских рукописей касаются в первую очередь промышленных рабочих. Но, по мысли К. Маркса, при капитализме представители духовного труда в сущности низводятся до уровня обычных работников по найму. В знаменитом «Манифесте коммунистической партии» К. Маркс и Ф. Энгельс писали: «Буржуазия лишила священного ореола все роды деятельности, которые до тех пор считались почетными и на которые смотрели с благоговейным трепетом. Врача, юриста, священника, поэта, человека науки она превратила в своих платных наемных работников» [2, с. 427].

Отечественный автор Е. Я. Режабек, анализируя трудовую концепцию К. Маркса и проблему самоотчуждения с позиции синергетики, отмечает: «Если в рамках системы ее взаимовосполняющие члены испытывают перманентное состояние недовоспроизводства, самообеднения внутренних потенциалов, то тем самым подрывается и сила их объединения: иначе говоря, система начинает клониться к упадку, дисфункциональные расстройства в содержании системы угрожают ей катастрофой» [3, с. 57].

Таким образом, если на поверхностном уровне у тех же неквалифицированных рабочих отчуждение выражается в низкой зарплате, то на сущностном оно проявляется в однобокой специализации, мешающей дальнейшему развитию, в превращении работников в игрушку чуждых им социальных сил, что в конечном счете становится причиной деградации системы в целом. Такое отчуждение вполне может коснуться и интеллигенции.

Естественно, что поставленная К. Марксом проблема отчуждения труда не могла не вызвать критики. Еще современник молодого Маркса Лоренц фон Штейн писал, что смысл социальной свободы нельзя свести лишь к проблеме желудка, он – в возможности для каждой человеческой личности свободной непрерывной эволюции. Историческую реализацию этой возможности Штейн вслед за Г. В. Ф. Гегелем видел в реформаторской политике (монархического) государства, которая должна обеспечить постоянный прогресс в деле подъема образования и статуса низших социальных слоев, повышения производительности их труда и их уровня потребления и т. д. Современный автор Д. Д. Эйдуkene видит в этом социальный реализм Л. фон Штейна, считая, что его сочинения стали теоретическим фундаментом политики «государственного социализма» Отто фон Бисмарка [4].

Одну из наиболее известных попыток позитивного преодоления марксизма в начале XX в. предпринял М. Вебер, для которого капитализм означал в первую очередь рационализацию. Не отрицая возникающего при этом отчуждения, М. Вебер считал, что на ранней стадии формирования капиталистического духа оно в значительной степени компенсировалось особым духом протестантизма [5, с. 64].

Капитализм, по М. Веберу, основан на принципиально новом отношении к труду, главной идеей которого является идея профессии-призвания. Наиболее чистое воплощение новый дух, согласно М. Веберу, находит в кальвинизме, особенно у эпигонов Ж. Кальвина, где формируется концепция неутомимой деятельности в рамках профессии как средства спасения, в результате чего возникает не только новый тип предпринимателя, но и новый тип трезвых, добросовестных, трудолюбивых рабочих, рассматривающих свою деятельность как угодную Богу цель жизни [5, с. 149–202].

Новое капиталистическое отношение к труду, по М. Веберу, появилось далеко не сразу: «...человек „по своей природе“ не склонен зарабатывать деньги, все больше и больше денег, он хочет просто жить, жить так, как он привык, и зарабатывать столько, сколько необходимо для такой жизни. Повсюду, где современный капитализм пытался повысить „производительность“ труда путем увеличения его интенсивности, он наталкивался на этот лейтмотив докапиталистического отношения к труду...» [5, с. 81]. Результатом, по мысли М. Вебера, становилось стремление капиталистов удерживать зарплату на низком уровне [5, с. 81]. Для Маркса низкая зарплата есть результат растущего отчуждения, а для Вебера она результат традиционализма работников и недостатка у них капитали-

стического духа. Но, по мнению М. Вебера, низкая зарплата выгодна только на ранних стадиях развития капитализма, с повышением роли квалифицированного труда ее значение падает [5, с. 82].

В работе «Протестантские секты и дух капитализма» М. Вебер, продолжая разработку проблемы, поднятой им в «Протестантской этике», отмечает особое значение протестантских сект для экономики США. Американская секта, писал немецкий социолог, являлась «...волонтаристским объединением лишь достойных (по идее) в религиозно-этическом отношении людей, квалифицированных в качестве таковых и добровольно вступающих в это объединение, при условии столь же добровольно данного им разрешения, ввиду доказанной религиозной избранности» [5, с. 277].

На исследование специфики западной интеллигенции веберовские идеи были распространены западногерманским социологом К. Зейфартом, на статью которого еще в 1980-е гг. обратил внимание Ю. Н. Давыдов. Согласно К. Зейфарту, специфика западных интеллектуальных слоев заключалась в соединении воспитания, господства и профессии. В образовании это непосредственно выразилось в сочетании рационального обучения специальности с общим гуманистическим образованием, квалифицирующим человека «сословно», что превращало западных интеллектуалов в носителей и проводников частичных рационализаций и модернизаций, творчески осуществляемых в каждом конкретном случае путем подведения единичного под общий принцип разума. Результатом становилось соединение «формальной» и «материальной» рациональности в профессиональной деятельности, дающее ощущение выполненного долга самому профессионалу, и, с другой стороны, все более углубляющаяся рационализация западного мира. При этом впервые подобное соединение формально-рационального и иррационально-творческого, по К. Зейфарту, было отмечено М. Вебером именно при исследовании протестантской этики [6, с. 189–205].

Однако в дальнейшем данный социокультурный тип западного интеллектуала начинает разрушаться за счет выделения, с одной стороны, истолкователей духовного труда, а с другой – носителей формальной рациональности, занимающихся утилизацией результатов деятельности в целях, далеких от собственно профессиональных. За счет резкого роста числа последних происходит кризис рационализации, выражающийся в замене литературно развитого культурного человека на узкого специалиста, теряющего «право на господство» на основе образования. Само воспитание «спецов» становится все более «фабричнообразным», а их деятельность все более замыкается на повседневной рациональности, все более обюрокчивается,

лишается творческого начала и личностного смысла [6, с. 205–211].

Несложно заметить, что в рассуждениях К. Зейфарта есть определенное сходство не только с веберовским, но и с марксистским подходом к проблеме отчуждения. Но, как отмечал Ю. Н. Давыдов, для К. Маркса носителем процесса «де-патриархализации», «де-сентиментализации», «де-романтизации», «де-мистификации» мира выступает буржуазия, а для М. Вебера и К. Зейфарта – интеллектуальные слои [7, с. 115]. Позиция К. Маркса в данном случае кажется нам более основательной, о чем говорит сам кризис интеллектуальных слоев. Хотя и интерпретация М. Вебера и К. Зейфарта вносит в понимание процесса важную коррективу.

Очень интересно проследить здесь за мыслью итальянского марксиста А. Грамши, считавшего, что интеллигенция является социальной группой, постоянно создаваемой новым восходящим социальным классом, например, классом предпринимателей, за счет специализации отдельных сторон деятельности, возникающих вместе с этим новым классом [8, с. 169]. Одновременно А. Грамши отмечает, что всякая «основная» социальная группа возникает из исторически предшествующей и несет на себе ее отпечаток. Для значительной части западной интеллигенции, выросшей из средневекового духовенства, это означало в первую очередь веру в свое особое призвание [8, с. 169–170]. Поэтому, по мнению А. Грамши, среди интеллигенции можно выделить такие идеально-типические группы, как интеллигенция органическая (функционеры капиталистического мира) и интеллигенция традиционная [8, с. 180]. Говоря о XIX в., думается, можно сказать, что наличие обеих групп было обусловлено и исторически, и функционально. Интеллигенция XIX в., формировавшаяся в эпоху промышленной революции, должна была быть не только буржуазной, но и технической. Научная революция придавала этой стороне ее деятельности особый ореол. Параллельно же протекавшие процессы формирования национальных государств и национальных рынков делали ее создательницей и носительницей основных правовых и культурных идей.

Однако в дальнейшем, по мысли А. Грамши, само развитие общества, его экономического базиса, его системы образования все более подрывает веру в призвание интеллигенции: «Массовое „производство“ интеллигенции привело к стандартизации личности и в профессиональном, и в психологическом отношении и вызвало появление в среде интеллигенции тех же явлений, что и в других стандартизированных социальных группах: конкуренции, приводящей к созданию организаций для защиты профессиональных прав, безработице, перепроизводству специалистов, эмиграции и т. п.»

[8, с. 175]. Думается, в этот список можно добавить и разрушение квазисословной веры в свое особое призвание, рост специализаторства и идущего с ним рука об руку отчуждения.

Специфика интеллигенции в той или иной стране, согласно А. Грамши, отражалась в ее политической и религиозной культуре. Это, по его мнению, может объяснить и роль религиозных сект в США: «В Соединенных Штатах наблюдается почти полное отсутствие традиционной интеллигенции, что отражается на общем равновесии интеллектуальных сил... Отсутствие такого широкого слоя традиционной интеллигенции, какой был в странах европейской цивилизации, объясняет отчасти наличие только двух крупных политических партий... и неслыханный рост числа религиозных сект» [8, с. 182].

Дальнейшее развитие тематики отчуждения применительно к различным странам можно связать с наметившимся синтезом марксизма и мир-системного анализа. Здесь отчуждение имеет уже не только классовое, но и историко-географическое измерение. Современный марксистский исследователь Б. Ю. Кагарлицкий, говоря о веберовской идее протестантской этики, отмечает: «Практическое накопление капитала в XVI и начале XVII в. отнюдь не было подчинено логике рационального инвестирования, не было оно связано и с производством. Рациональное начало, столь высоко оцениваемое Вебером, проявлялось, скорее, в правильной и деловой организации грабежа...» [9, с. 230]. По его мнению, протестантизм, конечно, оказал идеологическое воздействие на развитие капитализма, но там, где уже назревала буржуазная революция. Государство превращало протестантизм в официальную идеологию преобразований. Важную роль протестантизм сыграл в распространении грамотности и стандартизации языка, подготавливавшем другие стандартизации, необходимые для формирования единого внутреннего рынка и национального государства [9, с. 231–237].

Что касается Северной Америки, то ее специфическое положение в колониальный период, по мысли Б. Ю. Кагарлицкого, объяснялось тем, что британское правительство не очень интересовалось своими североамериканскими колониями, отдавая предпочтение тропическим и субтропическим странам. Плантаторские колонии Юга развивались в большей зависимости от английского капитализма и были, с точки зрения британской буржуазии, более успешными. Но рост аболиционистских настроений в Англии, наложившийся на стремление британского правительства ограничить экспансию североамериканских колонистов на Запад, привел к возникновению в Северной Америке широкого антианглийского блока, включавшего как

плантаторов Юга, так и фермеров Севера [9, с. 485–493]. Позднее, правда, возник неизбежный конфликт между плантаторской элитой Юга и буржуазией Севера: «Правящие классы Юга объективно стремились к тому, чтобы превратить США в периферийную империю, подобную крепостнической России. Но буржуазное развитие Севера находилось с данной перспективой в явном противоречии. Дело не в том, что Юг отставал, а в том, что его ресурсы использовались напрямую для развития мировой экономики, и в первую очередь для английской промышленности, вместо того чтобы обслуживать индустриализацию Севера» [9, с. 539]. Здесь мы видим, что развитие капитализма, а вместе с ним и отчуждения (капиталистического и рабовладельческого) оказывается напрямую связано с местом региона в мировой капиталистической системе. Конечно, размежевание Севера и Юга шло постепенно. Как отмечает американский историк Г. Зинн, еще в 1810 г. на Севере 30 тыс. чернокожих оставались рабами [10, с. 115].

В чем причина быстрого буржуазного развития Севера? Скорее всего, их следует искать не только в относительной независимости от страны-гегемона капиталистической мир-системы (т. е. Англии), в огромных колонизационных возможностях нового континента, но и в более низком уровне отчуждения труда, приводившем как к поиску более дешевой рабочей силы в лице рабов-негров на Юге, так и к технологическому прогрессу на Севере. Наиболее значимой отраслью экономики по количеству занятых людей в странах Запада (и даже в Англии) в первой половине XIX в., как отмечает близкий к марксизму англо-американский историк Эрик Хобсбаум, было сельское хозяйство. Благодаря наличию огромного фонда «свободных» земель, которые, правда, часто приходилось силой отнимать у индейцев, в северных штатах создается множество мелких ферм с минимумом наемного труда и максимумом механизации [11, с. 209]. Более высокий уровень заработной платы в условиях текучки рабочей силы и высокой производительности труда стимулировал приток иммигрантов и внедрение технических новшеств. Колонизация новых земель, развитие торговли, высокая по тем меркам зарплата и наплыв иммигрантов создавали огромный и весьма однородный внутренний рынок, что стимулировало технические изобретения и их внедрение [11, с. 248].

Новая система общественных отношений наложила отпечаток и на процесс формирования американской интеллигенции. По мнению американского историка Дэниэла Бурстина, некоторые специфические черты американской культуры начинают формироваться еще в колониальный период. И главной причиной здесь были особые условия колониза-

ции. Так, в американских колониях Англии значительно доступнее становится высшее образование. В Англии монополия на присвоение научных званий вплоть до 1827 г. находилась у Оксфордского и Кембриджского университетов. В Америке, однако, не существовало четких правовых различий между колледжем и университетом. Накануне революции по крайней мере девять созданных в колониях учебных заведений присуждали ученые степени. Сами американские колледжи были значительно менее изолированы от общества, находясь под контролем общин поселенцев, т. е. попечителей. Преподаватели были моложе, чем в Англии. Средний возраст преподавателя Гарварда в 1650 г. составлял около 24 лет. Это усиливало позиции попечителей и руководства, не позволяя преподавателям превратиться в самодовлеющую силу. В результате американский колледж стал тем местом, где больше заботились о распространении знаний, чем об их накоплении или сохранении. Борьба сект за влияние способствовала их активному участию в открытии и укреплении престижа «своих» колледжей. Недостаток же абитуриентов приводил к созданию межсектантских советов управления и к религиозной терпимости. Первостепенной целью было не умножение числа образованных людей, а обеспечение региона знающими священниками, юристами, врачами, торговцами, политическими деятелями. Борьба за абитуриентов вела к снижению платы за обучение. И хотя колледж оставался заведением не для бедных (средняя плата за обучение была от 10 до 20 фунтов в год при среднегодовом заработке плотника 50 фунтов, а преподавателя колледжа – около 100 фунтов), но в целом высшее образование было доступнее, чем в Англии, где его стоимость была не ниже 100 фунтов в год [12, с. 205–218].

Для ослабления отчуждения была важна не только большая доступность высшего образования в США, чем в Англии. Формировался совершенно иной идеал образованного человека, отличный от веберовского идеала профессии-призвания. Грани между профессиями размывались, а критерием оценки выступали не знания в какой-либо отдельной области, а успешная практика. Преуспевающий священник, например, должен был быть одновременно немного врачом, немного учителем, политиком и т. д. [12, с. 222]. Та же ситуация возникала и в ремесле, где плотник, например, вынужден был делать работу бондаря, столяра-краснодеревщика или сапожника. Дешевизна земли позволяла быстро встать на ноги, постоянное расширение спроса требовало все большего числа ремесленников. Конкуренция между ремесленниками снижала стоимость ученичества, делая его доступным для детей из бедных семей [12, с. 222–230].

Но особенно явно эти новые качества американской культуры проявились в XIX в. в ходе земельной колонизации и промышленной революции. Развитие морской торговли обеспечивало приток капитала и рынок сбыта. Отсутствие ремесленных гильдий и наличие большого количества источников водной энергии, юридические права на которые не были за кем-либо закреплены, облегчали организацию фабрик. Текучка кадров приводила к росту стоимости неквалифицированной рабочей силы, которая в 1820-х гг., например, была на треть, а то и наполовину выше, чем в Англии. В этих условиях формируется «система взаимозаменяемости» (унификации деталей), цель которой, как объяснял ее создатель Илай Уитни, состояла в том, чтобы «...заменить эффективной и точной работой машины ту квалификацию художника, что обретается лишь долгой практикой и большим опытом...» [13, с. 31–43]. Довольно рано в США возникает и рабочее движение, уже в 1842 г. были легализованы профсоюзы [13, с. 64–67]. Множество новых поселений, возникающих в ходе колонизации западных земель, стремились обосновать свою «городскую» сущность, влиявшую на стоимость земли, обзаведясь своими колледжами. Из 180 с лишним колледжей и университетов, основанных в те годы и сохранившихся до XX в., более 100 возникли за пределами первых 13 колоний. Свою роль здесь играло и соперничество религиозных сект, хотя, как правило, проверка религиозности преподавателей и студентов была запрещена уставами учебных заведений. Деньги на основание вуза собирались обычно среди жителей городка. Уровень «смертности» среди колледжей тоже был высок. Но постоянно появлялись новые. Со второй половины XIX в. в США стали возникать так называемые земельные колледжи, получавшие большие земельные участки от правительства, где обучали обычно практически важным предметам, таким как плотницкое дело, токарное искусство, уход за детьми и т. д. К 1895 г. в них обучалось уже около 25 тыс. человек. Здесь же стали изучать местные сельхозкультуры и выводить новые породы скота. Наконец, здесь же вводится совместное обучение юношей и девушек [14, с. 610–618].

Думается, более широкий доступ к высшему, пусть и не всегда качественному образованию, а также большая полифункциональность и практичность американской интеллигенции способствовали на том этапе ослаблению отчуждения в этой среде. Как и в случае с ремесленниками, не профессия-призвание, а вариативность возможностей помогала активно включаться в процесс создания нового общества. Но никакой прогресс не дается даром. Интеллигенция США приняла весьма малое участие в фундаментальной научной революции

XIX в., занимаясь в основном техническими вопросами. Не было создано здесь и учений, легших в основу новой парадигмы социальных наук (марксизм, неокантианство, фрейдизм и др.). В этих сферах США были импортерами. Зато именно здесь возникает система тейлоризма, ставшая организационной основой для перехода к новому бюрократизированному, «одухотворенному» (по терминологии В. Зомбарта) капитализму. Можно вспомнить слова известного французского социолога А. де Токвиля, посетившего США в 1831 г. и с грустной иронией писавшего: «В наше время необходимо поддерживать интерес людей к теории; тягу к практике они сохраняют сами...» [15, с. 343].

Таким образом, рассмотрев проблему отчуждения труда применительно к США XIX в., можно сказать, что отчуждение многолико, региональные варианты развития способа производства и социальных структур порождают и региональные варианты отчуждения. С эволюцией способа производства формы отчуждения также меняются, причем для различных социальных групп по-разному. При этом развитие форм отчуждения для интеллектуальных работников по найму прямо зависит от господствующих форм отчуждения в обществе в целом. Что же касается заочного спора К. Маркса и М. Вебера, то очевидно, что на начальном этапе промышленной революции в той же Англии наблюдался резкий рост отчуждения, бывший своеобразной платой за рост эффективности нового способа производства. Но к середине XIX в. у Британии появляется ряд конкурентов, среди которых наиболее динамичным оказался Север США. М. Вебер искал причины этого динамизма в протестантской этике. На самом же деле здесь видится целый клубок причин, в том числе и более низкий уровень отчуждения труда, связанный с текучкой рабочей силы, с большими, чем в Европе, возможностями для работника стать фермером или ремесленником, получить профессиональное и высшее образование, сменить сферу деятельности и даже пробиться в капиталисты.

Это обстоятельство постоянно порождало перед экономическими элитами США проблему: как под-

чинить себе рабочую силу? По большому счету, вариантов ответа оказалось два: или платить больше и повышать доходность за счет технических и организационных модернизаций, или найти максимально дешевую рабочую силу, лишенную каких-либо прав (например, рабов-негров). Спецификой США стало географическое разделение этих вариантов: первый – для Севера, второй – для Юга. В конце концов в результате Гражданской войны победа осталась за Севером, что дало новый импульс развитию США. Победы Юг, и он превратился бы в подобие Латинской Америки: в сырьевую периферию европейского капитализма.

Таким образом, мы видим, что отчуждение является важным фактором при выявлении специфики регионального развития и причин расширения или смещения центра мира-экономики. Для определения же уровня самого отчуждения важны такие показатели, как уровень заработной платы, специфика социальной организации, доступность образования и его характер, возможность смены сферы деятельности и социального статуса в ходе самореализации, ментальные особенности общества. Отчуждение труда, о котором писал К. Маркс, не является постоянной величиной, это явление историческое, изменяющееся и по уровню, и по содержанию. Оно не обязательно должно расти, оно может меняться качественно, но его эволюция всегда связана с развитием способа производства, который через рынок труда оказывает влияние и на систему образования, и на возможности самореализации. Что же касается веберовской идеи профессии-призвания, то американский опыт скорее опровергает ее, чем подтверждает. Американские квалифицированные работники и лица свободных профессий были значительно более полифункциональны, чем в Европе. И это открывало перед ними новые возможности, а перед капиталистами ставило новые проблемы, решение которых двигало общество вперед. Проблема развития отчуждения труда является проблемой развития способа производства, но в силу специфики предмета, связанного с ментальной сферой, с проблемами образования и самореализации, она нуждается в собственной методологии изучения.

Список литературы

1. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. Т. 42. С. 41–174.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 419–459.
3. Режабек Е. Я. Капитализм: проблема самоорганизации. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 2004. 320 с.
4. Эйдукене Д. Д. Социальный реализм Лоренца фон Штейна // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. 2006. Вып. 7 (58). С. 58–60.
5. Вебер М. Избранные произведения: пер. с нем. М.: Прогресс, 1990. 805 с.
6. Seyfart K. Gesellschaftliche Rationalisierung und die Entwicklung der Intellektualenschichten: Zur Weiter-führung eines zentralen Themas Max Webers // Max Weber und die Rationalisierung sozialen Handelns / Hrsg. W. M. Sprondel, C. Seyfart. Stuttgart, 1981. S. 189–214.
7. ФРГ глазами западногерманских социологов: техника – интеллектуалы – культура. М.: Наука, 1989. 343 с.
8. Грамши А. Искусство и политика: в 2 т.: пер. с итал. М.: Искусство, 1991. Т. 1. 432 с.

9. Кагарлицкий Б. Ю. От империй – к империализму. Государство и возникновение буржуазной цивилизации. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. 676 с.
10. Зинн Г. Народная история США: с 1492 года до наших дней: пер. с англ. М.: Весь мир, 2006. 880 с.
11. Хобсбаум Э. Век революции. Европа 1789–1848 / пер. с англ. Л. Д. Якуниной. Ростов н/Д: Феникс, 1999. 480 с.
12. Бурстин Д. Американцы: колониальный опыт: пер. с англ. / под общ. ред. и с коммент. В. Т. Олейника; послесл. В. П. Шестакова. М.: Изд. группа «Прогресс» – «Литера», 1993. 480 с.
13. Бурстин Д. Американцы: национальный опыт: пер. с англ. / авт. послесл. В. П. Шестаков; коммент. П. В. Балдицына М.: Изд. группа «Прогресс» – «Литера», 1993. 619 с.
14. Бурстин Д. Американцы: Демократический опыт: пер. с англ. / под общ. ред. и с коммент. В. П. Олейника. М.: Изд. группа «Прогресс» – «Литера», 1993. 832 с.
15. Токвиль А. де. Демократия в Америке: пер. с франц. / предисл. Гарольда Дж. Ласки. М.: Изд. группа «Прогресс» – «Литера», 1994. 554 с.

Бахитов С. Б., кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры.

Сургутский государственный педагогический университет.

Ул. 50 лет ВЛКСМ, 10/2, Сургут, Тюменская обл., ХМАО, Россия, 628417.

E-mail: baxitova@mail.ru

Материал поступил в редакцию 06.05.2013.

S. B. Bakhitov

ESTRANGEMENT OF LABOUR AND DEVELOPMENT OF EDUCATION IN USA IN THE 19TH CENTURY IN THE CONTEXT OF MARXIAN AND WEBERIAN CONCEPTIONS

In this article we can see the application of Marxian and Weberian conceptions of estrangement for the description of the conditions of work and education in the USA in the 19th century. If in the Marxian conception the estrangement in capitalistic society increases permanently, then in Weberian conception the estrangement weakens by the increase of qualification and by the reformation labour ethics of “beruf”. However in case of the USA we can see what the estrangement was not weakened owing to reformation labour ethics of “beruf”, but owing to diversification of possibilities. The problem of estrangement is a problem of development of capitalism but it needs its own methodology.

Key words: *estrangement, education, diversification of possibilities, colonization of new lands, USA, K. Marx, M. Weber.*

References

1. Marx K. Economic and Philosophical Manuscripts of 1844. *K. Marx and F. Engels, Soch.* Ed. 2, vol. 42, pp. 41–174 (in Russian).
2. Marx K., Engels F. The Communist Manifesto. *K. Marx and F. Engels, Soch.* Ed. 2, vol. 4, pp. 419–459 (in Russian).
3. Rezhabek E. Ya. *Capitalism: the problem of self-organization.* Rostov-on-Don, Rostov University Publ., 2004. 320 p. (in Russian).
4. Eidukene D. D. Social Realizm of Lorentz Von Stain. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2006, no. 7 (58), pp. 58–60 (in Russian).
5. Veber M. *Selected Works: Translation form German.* Moscow, Progress Publ., 1990. 805 p. (in Russian).
6. Seyfart K. Gesellschaftliche Rationalisierung und die Entwicklung der Intellektualenschichten: Zur Weiter-führung eines zentralen Themas Max Webers. *Max Weber und die Rationalisierung sozialen Handelns.* Hrsg. W. M. Sprondel, C. Seyfart. Stuttgart, 1981. S. 189–214.
7. *Germany in the eyes of the West German sociologists: Technology – intellectuals – culture.* Moscow, Nauka Publ., 1989. 343 p. (in Russian).
8. Gramshi A. *Art and Politics: in 2 volumes.* Translated from Italian. Moscow, Iskusstvo Publ., 1991, vol. 1. 432 p. (in Russian).
9. Kagarlitskiy B. Yu. *From empires – to imperialism. The state and the emergence of bourgeois civilization.* Moscow, Publishing house of State university Hlgherr School of Economics, 2010. 676 p. (in Russian).
10. Zinn G. *People’s History of the United States: from 1492 to the present day.* Translation. from English. Moscow, Ves’ Mir Publ., 2006. 880 p. (in Russian).
11. Hobsbaum E. *The Age of Revolution. Europe 1789–1848.* Translation from English by LD Yakunina. Rostov-on-Don, Feniks Publ., 1999. 480 p. (in Russian).
12. Boorstin J. *The Americans: The Colonial Experience.* Translation from Eng. Moscow, «Progress» – «Littera» Publ., 1993. 480 p. (in Russian).
13. Boorstin J. *The Americans: The National Experience.* Translation from Eng. Moscow, «Progress» – «Littera» Publ., 1993. 619 p. (in Russian).
14. Boorstin J. *The Americans: The Democratic Experience.* Trans. with Eng. Moscow, «Progress» – «Littera», 1993. 832 p. (in Russian).
15. Tokvil’ A. *Democracy in America.* Translated from French. Moscow, «Progress» – «Liter» Publ., 1994. 554 p.

Surgut State Pedagogical University.

Ul. 50 let VLKSM, 10/2, Surgut, Tumen region, HMAD, Russia, 628417.

E-mail: baxitova@mail.ru